

ПРАВДА О ПЕРЕЖИТОМ...



Биография Ксении Ивановны Федоровой, бывшей медсестры, проживающей ныне в Володарске, на первый взгляд ничем не примечательна. И действительно, родилась восемьдесят пять лет назад в Больше-маресьевском, ныне Гагинском районе Горьковской области, училась в обычной средней школе, по окончании которой поступила в Лукояновский техникум медицинских сестер. На этом настоял дед Степан Иванович Кузнецов: «Не было у нас в роду медиков. Хоть ты, Ксюша, будешь людей лечить». И Ксюша, Ксения Ивановна, выполнила наказ Степана Ивановича с лихвой, на все сто процентов.

Трудилась она два года палатной сестрой в Сеймовской больнице, работала столько, сколько требовалось. Старалась облегчить людям страдания, помочь не только лекарствами, но и добрым словом... «5 мая 1942 года, — запишет в своем дневнике К. И. Федорова, — нас взяли на 45 суток на сборы. Мы вошли в состав 189-й роты ОРМУ — отдельной роты медицинского усиления, организованной в Горьком. Тогда все говорили, что вскоре начнется война, но как-то не очень верилось в это. Да в конце концов, если даже война и начнется, говорим, мы врага разобьем «могучим ударом, малой кровью и... на чужой территории...»

Медроту перебросили в Москву, разместили в Алешинских казармах. Медсестра Кузнецова оказалась в токсикотерапевтической группе.

Из дневника К. И. Федоровой. Я полтора месяца проводила эксперименты на собаках. Стригла животных, заражала ипритом, люизитом, синильной кислотой, угарным газом. После этого под наркозом делала им вливание, уколы и так далее...

Все шло своим чередом, дни катились со скоростью железнодорожного экспресса. И казалось, что кроме работы не существует ничего, как вдруг рано утром 22 июня 1941 года по радио зазвучал незнакомый сильный голос... Сознание с трудом вникало в слова «безжалостный враг», «германские войска», «бомбежка Киева»... В лихорадочной спешке экзамены, зачеты были забыты, тетрадки с лекциями отодвинуты в сторону... Молодых медработников погнали в баню, выдали новое обмундирование и погрузили в эшелоны.

Из дневника К. И. Федоровой. Это были двухъярусные вагоны — темные, страшные. Все шумело, гремело. Куда едем? Под Смоленск, на 2-й Белорусский фронт... Ночью раздался треск и грохот. Паровоз надрывно загудел. Состав застыл на месте. «Воздушная тревога», — разнеслось по вагонам.

мы, как звери, боялись дышать, двигались ночами — не дай Бог заметят. Когда удавалось задремать, то перед глазами вставали одни и те же картины: операции на конечностях, полостные операции, гипсы, переливание крови...

С трудом удалось выйти из окружения, добраться до своих. Раненых погрузили в санитарные вагоны. Сами вместе с ранеными в качестве сопровождающих в тех же самых вагонах отправились в Москву. «Это был кошмар, — рассказывает Ксения Ивановна, — бесконечные стоны, крики, хрипы умирающих... Солдаты в пути умирали от сепсиса, голода. Сплошная вошь съедала и нас. В пути пережили налет авиации. Бомба попала в паровоз, были убиты машинист и кочегар. Мы погрузили раненых на попутные машины, а сами пошли пешком через лес в Калининском направлении».

Стояла суровая, почти сибирская зима. Мороз переваливал за тридцать. Было очень холодно. Ксения Ивановна в своей импровизированной обуви сильно обморозила ноги, а во время очередного артобстрела ее дважды контузило, ранило. Из-за болезни и ранения медсестру Ксению Кузнецову откомандировали в военный госпиталь № 585.

Из дневника К. И. Федоровой. Тут я работала операционной медсестрой. Натерпелась и насмотрелась всякого. Как сейчас помню населенные пункты, где мы размещались от бомбежки с ранеными. Помню все названия: Селихово, Кувшиново, Торжок, Кимры, Крюково, Большая Волга, Костино, Дмитров, Ярцево, Бобруйск, Смоленск. Помню гибель моих подруг: Надю Чирскую, ее напололам разрубил осколок авиабомбы, Шухареву, Набатину, Самойлову... Я видела колодец, набитый трупами. Переходила реку по тонкому льду. И лед гнулся и трещал. Мы пили воду кроваво-красного цвета, питались кислой травой, лизали утреннюю росу...

В районе деревни Селихово Ксению Куз-

вое обмундирование и погрузили в эшелоны.

Из дневника К. И. Федоровой. Это были двухъярусные вагоны — темные, страшные. Все шумело, гремело. Куда едем? Под Смоленск, на 2-й Белорусский фронт... Ночью раздался треск и грохот. Паровоз надрывно загудел. Состав застыл на месте. «Воздушная тревога», — разнеслось по вагонам. Люди, кто в чем был, на ходу, хватая сапоги и гимнастерки, посыпались, точно горох, из вагонов прямо под ослепительно белое сияние ракет. Стало светло, как днем. А немецкая авиация педантично и основательно расстреливала эшелон, а потом бомбила.

— Это был ад, — вспоминает Ксения Ивановна, — кругом взрывы, крики о помощи, паника... А где-то недалеко, казалось совсем рядом, гремел и грохотал фронт. Под Смоленском разворачивалось невиданное по масштабам сражение, которое позднее некоторые военные историки назовут смоленской мясорубкой.

Бросив разбитый эшелон, похоронив убитых, забрав раненых, медики пешим порядком, обогнув поле боя, остановились в знаменитом Кардымовском лесу. День и ночь они рыли землянки, ставили палатки, принимали раненых, изувеченных пулями и осколками бойцов, валились с ног от усталости и даже не замечали немецких самолетов, летевших куда-то с надсадным прерывистым гулом. После нескольких недель адской работы и какой-то отупелой, в буквальном смысле сногшибательной усталости импровизированный госпиталь в срочном порядке перебросили на юго-западное направление.

Из дневника К. И. Федоровой. ...И мы очутились в немецком окружении. Они играли на губных гармошках, пели, хохотали. А

Кимры, Крюково, Большая Волга, Костино, Дмитров, Ярцево, Бобруйск, Смоленск. Помню гибель моих друзей: Надю Чирскую, ее напополам разрубил осколок авиабомбы, Шухареву, Набатину, Самойлову... Я видела колодец, набитый трупами. Переходила реку по тонкому льду. И лед гнулся и трещал. Мы пили воду кроваво-красного цвета, питались кислой травой, лизали утреннюю росу...

В районе деревни Селихово Ксению Кузнецову засыпало землей. Последнее, что она помнит, — яркая вспышка, взрыв и наступившая непроницаемо плотная, тяжелая ночь. Невозможно открыть глаза, пошевелиться. Неимоверная тяжесть сдавливала руки, ноги... Это была смерть — беспощадная, ужасная, неотвратимая. Смерть на войне. Но Ксении Кузнецовой судьба уготовила другой путь. Она выжила и после госпиталя, в начале 1943 года, возвратилась домой на Володарскую землю, где долгое время затем проработала в Володарской больнице операционной сестрой. После 52 лет служению медицине Ксения Ивановна Кузнецова (ныне Федорова) ушла на пенсию. Вспоминая о войне, К. И. Федорова напишет такие строки:

Нам запомнились страшные годы.

Выносили солдат из огня.

Мы и сами землянки копали.

Помогал нам старый комбат.

В окруженье не раз попадали.

На руках выносили солдат.

Пережили мы холод и голод.

Потеряли в боях женихов.

Завещали тому, кто молод,

Ненавидеть коварных врагов.

В. АБРАМОВСКИЙ.

Фото Г. ЛУКОЯНОВА.